

I.

ВЕЧЕРЪ. Младшіе уже улеглись. Отца нѣтъ дома. Мы вдвоемъ съ матерью. Она что-то шьетъ. Я здѣсь же, за круглымъ столомъ, и рядомъ съ ея работой лежитъ моя любимая книга. На коричневомъ переплетѣ, съ золотымъ потускнѣвшимъ обрѣзомъ, золотыя потускнѣвшія буквы: „Счастье христіанской жизни“.

Мнѣ девять лѣтъ. Я давно прочла эту книгу и нетолько прочла, всю ее знаю почти наизусть. Это исторія жизни трехъ институтскихъ подругъ: одной—легкомысленной, пустой, тщеславной, по имени Адель,—другой—добродѣтельной Вѣры и третьей—красавицы Нины.

Нина, и по красотѣ, и по душевнымъ качествамъ, какъ разъ на серединѣ между Аделью и Вѣрой и кончаетъ эта Нина тѣмъ, что дѣлается такой же добродѣтельной, какъ и Вѣра.

Послѣдняя глава называлась: „Торжество добродѣтели“.

Въ этой главѣ Вѣра съ мужемъ и дѣтьми, и Нина, уже исправившаяся и тоже съ дѣтьми и мужемъ, и раскаявшаяся, обѣднѣвшая и овдовѣвшая одинокая Адель—все стоятъ передъ транспарантомъ, на которомъ свѣтятся слова: „Торжество добродѣтели“, а кругомъ, по всему садику скромной, но уютной Вѣриной дачи горятъ цвѣтные фонарики.

И когда я доходила до этого благополучнаго, радостнаго конца, мнѣ всегда почему-то становилось скучно и грустно.

Въ книгѣ еще была глава: „Не долго нянчили Ореста“, и тамъ говорилось о томъ, какъ умеръ маленькій сынъ Адели отъ легкомыслія матери. Печальные это были страницы, но послѣдняя глава казалась мнѣ еще печальнѣе. И я не понимала, почему это такъ: какъ будто о веселомъ и вдругъ такъ скучно?

И названіе книги казалось мнѣ непонятнымъ, таинственнымъ, какъ непонятными и таинственными казались мнѣ слова выцвѣтшими чернилами на чуть-чуть пожелтѣвшей пустой страницѣ, сейчасъ же подъ переплетомъ:

„За благонравіе и успѣхи въ наукахъ, книгой этой награждается дѣвица Ольга С... при переходѣ изъ шестого въ седьмой классъ. 30-го мая 1860 года“.

— Мама, дѣвица Ольга С... вѣдь это ты?

Мать поднимаетъ голову отъ работы и чуть-чуть улыбается.

— Ну да, я. И въ который разъ ты это меня спрашиваешь?

И я знаю, что мама уже ждетъ обычныхъ вопросовъ, что

мы обѣ, и она, и я, уже у дверей міра, который принадлежит только намъ двоимъ.

— Мама, а когда ты у бабушки жила и она тебѣ красныя туфельки подарила, сколько тебѣ тогда лѣтъ было?

— Бабушка... красныя туфельки?—Мама задумывается, соображаетъ.

— Такъ, лѣтъ пять было, да, не больше пяти,—говоритъ она.

— Мама, —я сажусь съ нею рядомъ на кожаный диванъ, прижимаюсь лицомъ къ ея плечу,—мама, ну расскажи все и про бабушку, и про садъ, и про красныя туфельки. Расскажи все съ тѣхъ поръ, какъ ты себя помнишь. Сколько тебѣ тогда было лѣтъ?

И мама рассказываетъ:

— Помню я себя лѣтъ съ пяти. Помню большое зеркало, зажженныя свѣчи, а передъ зеркаломъ мою мать, твою бабушку, въ чемъ-то желтомъ, пышномъ и очень блестящемъ. Маменька часто выѣзжала, но, вѣроятно, въ этотъ вечеръ она собиралась на какой-то ужъ очень большой балъ, потому что во всемъ домѣ была необычайная суета. Въ этой суетѣ и не замѣтили, что я пробралась въ маменькину комнату. Обыкновенно насъ изъ дѣтской не выпускали. Бабушка твоя была красавица, модница и очень любила танцевать. Насъ, дѣтей, у нея было за всю ея жизнь шестнадцать человѣкъ, и когда мнѣ исполнилось пять лѣтъ, насъ было уже четверо. Я была старшая.

Вся наша жизнь проходила въ дѣтскихъ. Въ другія комнаты мы рѣдко заглядывали. Тамъ шла своя жизнь, а у насъ своя—съ няней и кормилицей, въ тѣсныхъ душныхъ комнатахъ, съ окнами, выходившими на пыльную улицу.

Гулять насъ водили мало. Передъ каждой прогулкой

А. Лиделманъ.

Въ суетѣ не замѣтили, что я пробралась въ маменькину комнату.

долго наряжали, прихорашивали. Папенька въ городѣ занималъ видное мѣсто, и дѣтей нельзя было вывести на улицу кое-какъ.

Случалось, что забывали заранѣе выгладить или сплостить что-нибудь необходимое для нашего наряда и мы, полуодѣтые, дожидались, пока поправятъ оплошность. Бывало и такъ, что уже начатые сборы на прогулку вдругъ обрывались. Няня, отъ которой зависѣли наши прогулки, вдругъ рѣшала, что можно и дома посидѣть.

Когда же сборы приходили къ благополучному концу, насъ, расфранченныхъ и утомленныхъ, вели показать маменькѣ, а потомъ уже выводили на бульваръ. Бульваръ былъ расположенъ на горѣ и шелъ уступами. Мы гуляли всегда на верху, но манила насъ его нижняя часть, спускавшаяся къ рѣчкѣ. Рѣчка была узенькая, съ желтоватой грязной водой. Изъ нея даже нельзя было пить, но попасть къ ней намъ казалось блаженствомъ и это блаженство было намъ недоступно.

Мы смотрѣли сверху, какъ другія, менѣе нарядныя и даже, чаще всего, оборванныя дѣти копались на берегу, видѣли, какъ шлепали по водѣ босыя ноги, но няня зорко смотрѣла за нами. Мы не смѣли уходить съ дорожки, гдѣ на разставленныхъ скамейкахъ сидѣли няни и гувернантки, а передъ ними играли въ серсо или въ мячъ похожія на насъ дѣти.

Въ пятнадцати верстахъ отъ Каменецъ-Подольска, гдѣ жили мои родители, былъ бабушкинъ хуторъ. Бабушка, мать моего отца, жила тамъ совсѣмъ одна. Ей было скучно и она упросила моихъ родителей отдать на время меня ей.

Меня отдали.

И что это за жизнь началась! У бабушки все было совсѣмъ другое, чѣмъ то, къ чему я привыкла.

Одноэтажный каменный домъ въ четыре комнаты, крыльцо съ двумя колонками, дворъ, обстроенный службами, съ колодцемъ въ концѣ, а за плетнемъ, сплошь заросшимъ вьющимися растеніями, садъ, садъ такой, какого я никогда не видала больше, да и не увижу. Какихъ только цвѣтовъ тамъ не было въ цвѣтникѣ! Особенно хороши были розы сентиболии. Бабушка сама ухаживала за ними, сама варила изъ нихъ варенье и раскладывала душистые лепестки по ящикамъ шкаповъ и комодовъ.

Сейчасъ же за цвѣтникомъ, напротивъ дверей столовой, выходявшихъ на террасу, стоялъ большой грецкій орѣхъ съ дерновой скамейкой вокругъ него и столомъ. Здѣсь, въ хорошую погоду, мы съ бабушкой обѣдали и пили чай.

Дальше за цвѣтникомъ и орѣховымъ деревомъ шель фруктовый садъ и огородъ. Были тамъ и яблони, и груши, и сливы, и черешни, и малина, и крыжовникъ, и смородина. Кажется все, что только расти можетъ, все расло у бабушки. За огородомъ былъ небольшой прудъ, изъ котораго брали воду для поливки, а за прудомъ страшное для меня мѣсто — небольшая пасѣка. Пчелъ я боялась и туда не ходила.

Цѣлыми днями мы были вдвоемъ съ бабушкой, даже и спала я съ ней, не только въ одной комнатѣ, но и на одной постели. Постель была огромная, широкая, съ периной, чуть что не до потолка. Когда я ложилась, то въ перинѣ дѣлалась глубокая ямка.

Вставала бабушка рано. Съ шести часовъ уже она была на ногахъ и обозрѣвала свое хозяйство. Кухарка Магдалина снимала при ней сливки, потомъ сбивали масло и, когда уже все было готово, будили меня и мы вдвоемъ съ бабушкой пили кофе.

Послѣ кофе мы уже не разставались, неразлучно вози-

лись въ саду, вмѣстѣ срѣзали розы, вмѣстѣ обходили клумбы съ цвѣтами и грядки на огородѣ.

Бабушка работала въ саду въ длинныхъ перчаткахъ и въ большой соломенной шляпѣ. Хотя она и была старенькая, но очень берегла лицо и руки. И одѣвалась она красиво. Всегда въ бѣломъ батистовомъ капотѣ съ рюшками, съ пестрымъ шелковымъ шнуркомъ вокругъ талии и съ кистями на концахъ. Волосы у нея были совсѣмъ бѣлые и въ букляхъ. На головѣ бѣлый чепецъ съ большимъ лиловымъ бантомъ. Но особенно мнѣ нравились бабушкины туфли съ переплетомъ изъ ленты накрестъ вокругъ ноги. Бабушка не выносила плохой обуви. Мои черные, на резинѣ, башмаки ей очень не понравились и она, въ первый же день, когда я къ ней пріѣхала, подарила мнѣ туфельки съ красными лентами. Въ этихъ туфелькахъ я цѣлыми днями бѣгала за ней слѣдомъ и по дому, и по саду.

Хотя мнѣ было всего шесть лѣтъ, когда я пріѣхала на хуторъ, но бабушка рѣшила, что меня пора учить.

Рядомъ съ нашимъ хуторомъ былъ хуторъ большой пріятельницы моей бабушки, польки панни Юзефы.

Вѣроятно эта панни Юзефа была очень образованной по тому времени женщиной, потому что, я помню, меня поразило обиліе книгъ, когда я въ первый разъ попала къ ней въ домъ.

Сама панни Юзефа была очень худая и совсѣмъ пожилая. Ходила она всегда въ черномъ. Лицо ея я помню плохо, но хорошо помню ея необыкновенно бѣлую, узкую руку съ длинными, тонкими пальцами. Помню странное кольцо съ какимъ-то рисункомъ по камню.

По-русски панни Юзефа даже говорила плохо, но французскій языкъ знала въ совершенствѣ.

Каждое утро, послѣ кофе, бабушка, нарѣзавъ букетъ

Вместѣ мы срутали розы.

розъ, сама отводила меня къ ней, а потомъ уходила, и я оставалась вдвоемъ съ всегда одинаково серьезной, спокойной и, какъ будто, всегда печальной, панни Юзефой. Учила она меня по французскому молитвеннику и учила, вѣроятно, хорошо, потому что читать по-французски я, къ восторгу моей бабушки, стала очень скоро. Панни же Юзефа никогда не радовалась моимъ успѣхамъ, какъ никогда и не огорчалась моими неудачами. Меня она никогда не бранила, но никогда и не хвалила, никогда ни о чемъ постороннемъ не спрашивала. Два часа, которые я оставалась у ней, я только училась, и, можетъ быть, потому ученіе мое шло особенно успѣшно.

Около двѣнадцати часовъ бабушка прислала за мной дѣвочку Оксану, внучку Магдалины, которая служила у нея на посылкахъ. Съ радостью попралась я съ панни Юзефой, съ ея строгими высокими темноватыми комнатами, съ ея садомъ, гдѣ не было ни единого цвѣтка,—бѣжала со всѣхъ ногъ къ нашимъ розамъ, къ цвѣтнику съ пестрыми клумбами и стрѣлой врывалась въ маленькія, пронизанныя солнцемъ, бабушкины комнаты.

— Хорошо училась, Олюся? Обѣдать пора, голубенокъ. И мы сѣли съ бабушкой за столъ.

Любимымъ моимъ блюдомъ былъ паштетъ изъ воробьевъ или воробьи въ сметанѣ, но я разлюбила это блюдо, когда разъ, проснувшись раньше, чѣмъ всегда, застала нашего мальчишку-постушенка на соломенной кровлѣ сарая, а надъ нимъ стаю кричавшихъ воробьевъ. Онъ выбиралъ провизію на паштетъ по гнѣздамъ и послѣ того, какъ я это увидала, любимое кушанье стало мнѣ казаться уже менѣе вкуснымъ.

Послѣ обѣда бабушка отдыхала. Меня она, какъ ни уговаривала, къ этому приучить не могла, и я, пока она спала,

занималась уже моими личными дѣлами. Шила съ Оксаной наряды кукламъ изъ матерьяла, набраннаго въ зеленой „скрынѣ“, украшенной большими жестяными скобами.

И что это была за скрыня, и чего только въ ней не было. Открывалась она съ музыкой и лежали въ ней сокровища несмѣтные. Были тамъ и куски матерій, и шелковые обрѣзки, и ленты, и тесемки, и пуговицы, и катушки, и ножницы, и иголки. Я не сомнѣвалась, что скрыня эта самаго настоящаго волшебнаго происхожденія. Бабушка рассказывала что-то о бѣдномъ еврей-торгашѣ. Онъ ѣздилъ съ товаромъ по деревнямъ и почему-то постоянно разорялся. То его обкрадутъ, то обманутъ, то не заплотятъ. Бабушка помогала ему, какъ помогала всѣмъ, кто только обращался къ ней за помощью. Но еврею не было счастья. Отъ горя и долговъ онъ убѣжалъ въ Америку, а бабушкѣ прислалъ зеленый сундукъ съ уцѣлѣвшимъ товаромъ.

Такъ рассказывала мнѣ сама бабушка, но я, кажется въ первый и послѣдній разъ въ жизни, какъ-то не совсѣмъ вѣрила ей или, вѣрище, думала, что и сама бабушка не знаетъ всей правды о своемъ сундукѣ.

Развѣ простые сундуки такіе бываютъ? И я тихоенько, молча, улыбалась про себя.

Часто, во время послѣобѣденнаго отдыха бабушки, я забиралась въ шалашъ къ старику—арендатору нашего фруктоваго сада.

Тамъ, въ это время, я заставала у него обыкновенно нашего стараго садовника Остапа. Оба старика, въ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ и наброшенныхъ на плечи, во всякую погоду, коричневыхъ свиткахъ, курили трубки и лѣниво переговаривались объ урожаѣ, о гусеницѣ, которая, того и гляди, все поѣстъ.

Иногда разговоръ шелъ и о другомъ, болѣе интересномъ и увлекательномъ: о вѣдьмахъ, которыхъ, если поискать, то можно найти въ любой деревнѣ, но чѣмъ ближе къ Киеву, тѣмъ ихъ все больше и больше.

Къ пяти часамъ на хуторъ часто прїѣзжали мои родители. Иногда они привозили съ собой моего брата Петю. Мы садились пить чай подъ старымъ орѣхомъ. На столѣ стояли домашнія булочки, сливки, сливочное масло и разныя варенья.

— Хочешь домой, Олечка? — спрашивала меня иногда мать.

Я становилась вся красная, и глазамъ дѣлалось горячо отъ подступавшихъ слезъ.

— Нѣтъ, Катя, ужъ ты не огорчай меня, — торопилась выручить меня бабушка. — Не отбирай Олюсю. Безъ дѣвочки я съ тоски умру.

Приходилъ вечеръ. Въ клубахъ пыли, пронизанной заходящимъ солнцемъ, скрывался экипажъ съ моими домашними. Старый Остапъ, въ шляпѣ съ большими полями изъ толстѣйшей соломы, съ красной шерстяной „горасовкой“ вокругъ тульи, поливалъ цвѣты, не выпуская изо рта привычной трубки. Въ саду сильнѣе пахло цвѣтами, и навстрѣчу золотымъ звѣздамъ, на круглой клумбѣ раскрывались бѣлыя звѣзды душистаго табаку.

Иногда мы ѣздили въ гости къ двоюродному брату бабушки.

Дѣдушкѣ было лѣтъ 70 и жилъ онъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ. Приготовленія къ поѣздкѣ начинались уже съ ранняго утра.

Остапъ выкатывалъ изъ сарая маленькій старенькій фэатонъ, мылъ и чистилъ его цѣлое утро, а къ одиннадцати запрягалъ въ него старую, и уже всю сѣдую, лошадь.

Дѣдушка, заранѣе предупрежденный о нашемъ прїѣздѣ, ждалъ насъ съ обѣдомъ.

Привѣтливый, полуслѣпой, онъ встрѣчалъ насъ на крыльцѣ и велъ въ маленькую гостиную, гдѣ вся мебель стояла вдоль стѣнъ и всегда въ бѣлыхъ чахлахъ, а половицы такъ и скрипѣли подъ ногами.

Мнѣ обыкновенно предлагали побѣгать въ саду, но я всегда отказывалась.

Садилась чинно въ сторонкѣ и нетерпѣливо ждала, когда позовутъ въ столовую. Этого обѣда я просто не могла дождаться. Но не голодъ мучилъ меня. Мнѣ хотѣлось поскорѣй увидѣть старую, полуслѣпую дѣдушкину лошадь.

Она приходила во время обѣда, заглядывала въ окно и на слова хозяина; „ну, Буланка, иди“, направлялась къ крыльцу и, глухо постукивая своими неподкованными копытами, шла черезъ переднюю въ столовую.

Дѣдушка ласкалъ ее, давалъ положенную ей порцію чернаго хлѣба и говорилъ:

— Теперь въ конюшню, Буланка. — И Буланка послушно поворачивала и уходила въ конюшню.

Такъ жила я съ моей бабушкой до девяти лѣтъ, когда родители рѣшили взять меня у нея и отдать въ пансіонъ, чтобы приготовить въ институтъ.

Помню, что въ день моего отъѣзда, какъ разъ, снимали яблоки въ саду. Помню, что бабушка поставила мнѣ въ фэтонъ цѣлую корзиночку съ моими любимыми, но помню, что ни яблоки, какъ ничто на свѣтѣ, ни утѣшить меня, ни развлечь не могли.

— Не плачь, Олюся. Нечего плакать, вѣдь не на вѣкъ же расстаемся, — утѣшала меня бабушка и сама заливалась слезами.

И дѣйствительно, мы разстались не на вѣкъ.

Впродолженіи года, пока я училась въ пансіонѣ, я ѣздила довольно часто съ моими родителями къ бабушкѣ, но это уже было не то.

Вмѣсто меня, чтобы старушка не очень скучала, родители отдали ей моего брата Петю, большого шалуна и забіяку. Первое время я не могла отдѣлаться отъ ревниваго чувства, что онъ замѣнилъ меня у бабушки, но потомъ это прошло.

Безпокойный шаловливый мальчикъ мало подходилъ и къ ней, и къ ея жизни. Бабушка любила и его, но не такъ, какъ меня. Петя, подѣ часъ, просто мучилъ ее.

Въ пансіонѣ я училась хорошо и, можетъ быть, главнымъ образомъ потому, что все время отдавала ученю. Тоскуя о жизни на хуторѣ, я мало принимала участія въ жизни моихъ домашнихъ. Дружила только съ сестрой Сашей, которая была на два года моложе меня.

Вся же моя радость и тоска, все, что сильно чувствовалось, все шло отъ бабушки.

Иногда она присылала моимъ родителямъ масла и разныхъ домашнихъ припасовъ. Привозилъ ихъ Остапъ съ Магдалиной. Они вызывали меня и вручали мнѣ все отдѣльное: и масло въ отдѣльномъ маленькомъ горшечкѣ, и какое-нибудь печенье, и варенье. Я несла мои сокровища въ дѣтскую и здѣсь начинался пиръ. Очень скоро на столѣ оставались только одни пустые горшечки, а у меня въ рукахъ бумажка съ надписью бабушкиной рукой: „Олюсѣ“.

Подходило время поступать въ институтъ. Съ домомъ я разставалась довольно легко, но прощаніе съ бабушкой было тягостное. Передъ отъѣздомъ я прогостила у нея нѣсколько дней.

Какъ и годъ тому назадъ, мы опять цѣлыми днями и

даже ночами были вмѣстѣ. Петю родители взяли на это время къ себѣ.

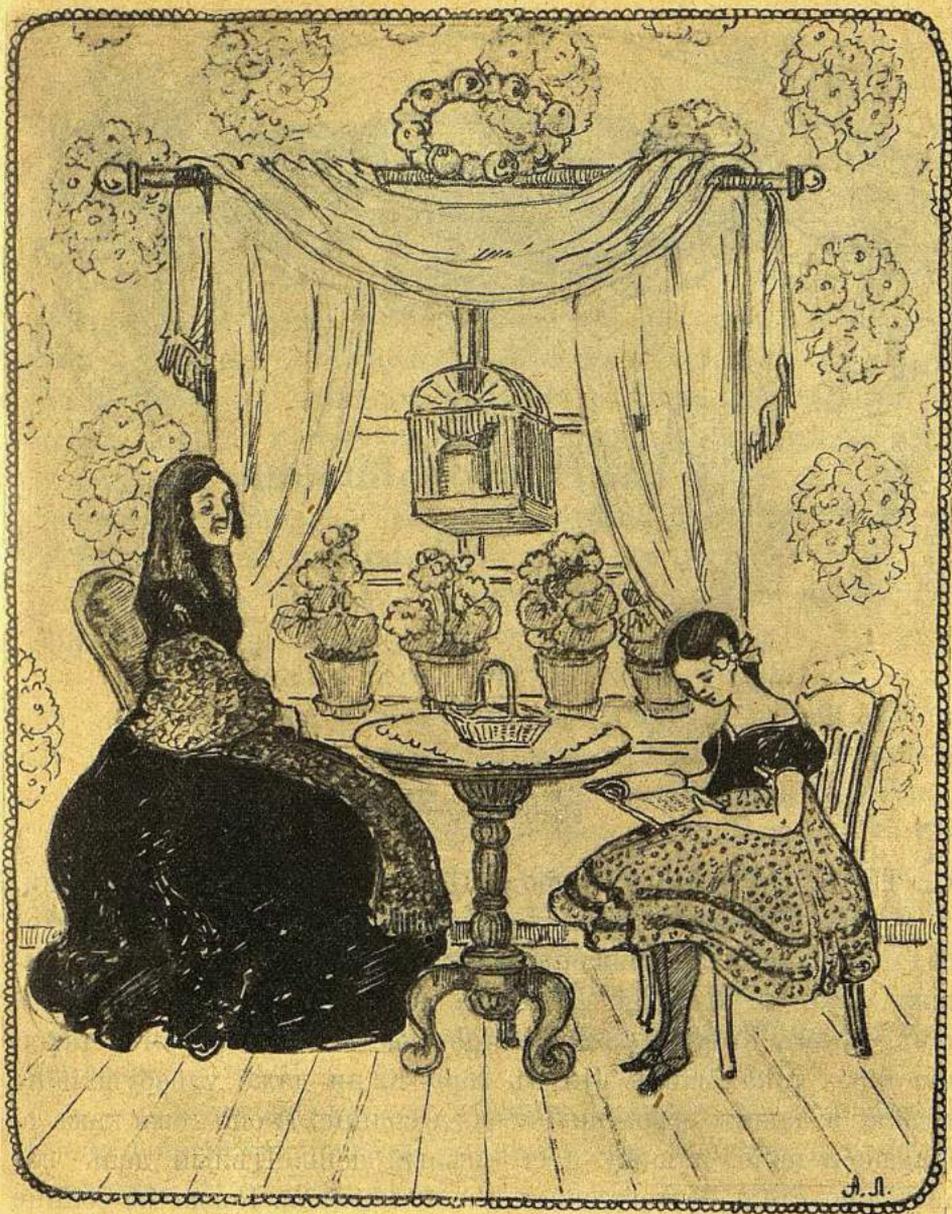
Опять на моихъ ногахъ очутились красныя туфельки съ переплетомъ изъ красныхъ лентъ, опять я бѣгала въ нихъ по дому и саду, но бѣгала, прощаясь со всѣмъ.

Разставаясь съ бабушкой, мы порѣшили, что послѣ института будемъ жить вмѣстѣ.

На прощанье она сама сняла съ меня красныя туфельки, сама надѣла вмѣсто нихъ тоже хорошенькія, но черныя, съ черными атласными лентами.

— Красенькія я спрячу на память, Олюся,—сказала она мнѣ.—Не плачь, голубенокъ мой. Ничего не подѣлаешь. Такъ надо.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А.А.

Два часа которые я оставалась у нея, я только училась. (Стр. 12. № 1).

II.

Институтъ.

СТЕПЬ. По обѣимъ сторонамъ дороги степь. Степь впереди, степь позади. Звенятъ колокольчики подъ дугой почтовыхъ лошадей, припряженныхъ къ нашему собственному экипажу. Путь не близкій. До Кіева почти 600 верстъ. Мы ѣдемъ день, ѣдемъ второй. Степи конца не видно, кругомъ такой просторъ, такая ширь. Ни въ городѣ, ни даже у бабушки не видала я такого огромнаго неба. А солнце! И оно тоже какъ то больше и ярче, и вижу я его цѣлый день. Цѣлый день па- лить оно степь, оттого она точно вызженная. Когда же солнце садится и начинается темнѣть, мы заѣзжаемъ на постоянные

дворы или „корчмы“, какъ ихъ у насъ называютъ. Послѣ степного простора въ тѣсной и душной корчмѣ еще тѣснѣе и душнѣе.

И какъ хорошо раннимъ утромъ выбраться опять на просторъ къ солнцу, къ небу. Хорошо опять увидѣть степь.

Въ этотъ ранній часъ она, отдохнувшая за ночь и вся влажная отъ росы, такъ и дышетъ медовыми запахами. Здѣсь же, у корчмы, я спѣшу набрать бѣло-розовой павилики и съ пучкомъ влажныхъ, пахнушихъ горькимъ миндалемъ цвѣтовъ, усаживаюсь въ экипажъ. И опять звенятъ колокольчики, и опять ничего, кромѣ огромнаго неба и безконечной степи, и я радуюсь, радуюсь до тѣхъ поръ, пока вдругъ мнѣ не становится страшно: и городъ, и бабушка, и все, все свое тамъ позади. Далеко позади! А мы все ѣдемъ и ѣдемъ.

— Скоро институтъ, маменька? — робко и испуганно спрашиваю я.

— Нѣтъ, далеко еще, — отвѣчаетъ папенька.

— Какъ, еще далеко?! Ёдемъ, ѣдемъ, а еще все далеко?!

Я вглядываюсь, стараюсь разсмотрѣть то, что впереди.

А впереди все та же, мѣстами скошенная, мѣстами выгорѣвшая отъ лѣтняго солнца, степь. Дождей давно не было. И я вижу все сквозь дымку пыли, и все вокругъ насъ сѣрое, и сами мы сѣрые. Пыль жжетъ глаза и хруститъ на зубахъ.

На пути попадаются деревеньки съ бѣлыми хатами подъ соломенной крышей и съ вишневыми садочками.

Въ одномъ такомъ садочкѣ мы остановились напиться молока.

— А далеко ли путь держите, панночка? — спрашиваетъ меня бойкая черноглазая дивчина въ монистахъ на шеѣ и цвѣтахъ на головѣ.

— Въ институтъ, — отвѣчаю я.

Лицо у дивчины сразу дѣлается глупымъ—преглупымъ.

— Это куда же, панночка?—испуганно спрашиваетъ она и даже присѣдаетъ отъ волненія.

Звенять подь дугой колокольчики. Опять и по сторонамъ, и впереди, и позади все та же степь, только отъ вечерняго сумрака еще болѣе посѣрѣвшая.

Мы торопимся на ночевку въ корчму.

Въ корчмѣ людно, шумно, суетливо, крикливо и грязно.

Намъ отводятъ отдѣльную комнату, но кругомъ шорохи, шопоты, топоты. Отецъ съ матерью спятъ. Я лежу съ открытыми глазами. Мнѣ страшно. Страшно всегонепонятнаго, чужого, что вокругъ меня, страшно того, что меня завозятъ, далеко завозятъ, а куда, я и сама хорошенько не знаю. Въ институтъ. А что такое институтъ? О немъ я знаю, пожалуй, немногимъ больше глупой дивчины въ цвѣгахъ.

— Ёдемъ, все ёдемъ,—думается мнѣ подь звонъ колокольчиковъ,—все дальше и дальше буду я отъ своихъ, отъ бабушки!

Я больше ничего не вижу, ни на что не смотрю. Мнѣ только страшно и такъ жаль всего, что осталось за безконечной степью и страшными корчмами.

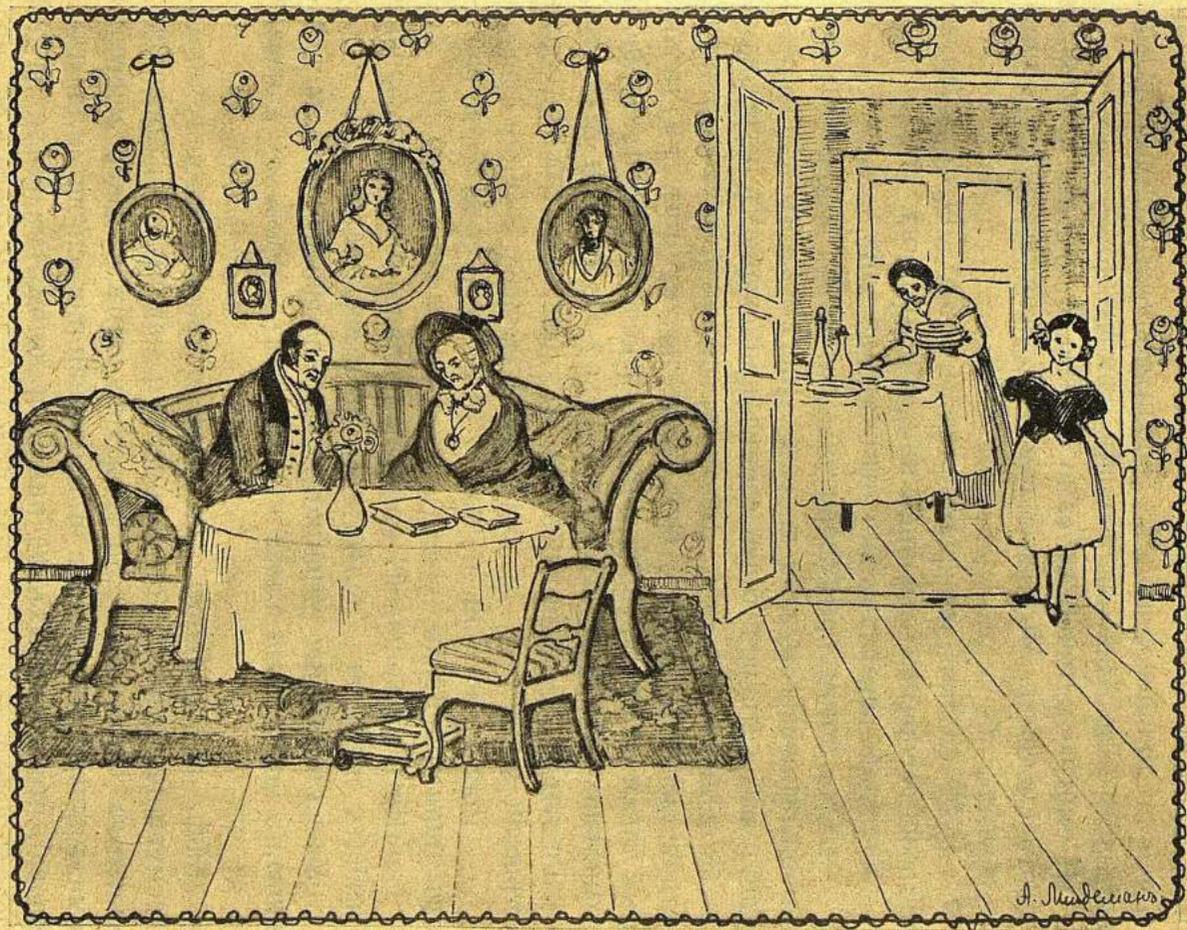
— Ты устала, Оля?—спрашиваетъ меня мать.—Ничего потерпи. Теперь скоро.

Я терплю. Сижу, какъ деревянная.

Въ такомъ состоянїи я и Кіева не разсмотрѣла. Помню только золотыя маковки церквей: ихъ было такъ много, что не замѣтить было нельзя. И въ колокола звонили. Вѣроятно день былъ праздничный.

Остановились мы въ гостинницѣ. Переночевали. На утро родители повезли меня въ институтъ.

— Такъ вотъ онъ какой,—всматриваюсь я въ бѣлое вы-

У дѣдушки. (Стр. 14. № 1).

сокое зданіе съ колоннами на горѣ. — Вотъ какой! — Мы поднимаемся по тополевой аллеѣ. Тополі старые, огромные. Около института садъ. Деревья большія, тѣнистыя.

Я смотрю и точно не сама смотрю, а кто то другой на все это смотреть. Мнѣ все равно. Пускай дѣлають со мной, что хотятъ.

— Да сдѣлай же реверансъ, Олечка! Да отвѣчай же, съ тобой говорятъ, — взволнованно шепчетъ мнѣ мать.

Я дѣлаю реверансъ, но отвѣчать не могу.

— Она потомъ разговорится, — раздается надъ моей опущенной головой чужой голосъ. — Надѣюсь, что дочь ваша будетъ радовать родителей своимъ прилежаніемъ и успѣхами.

Я поднимаю голову. Высокая, сѣдая старуха, длинная, прямая, вся въ черномъ. Она кладетъ руку мнѣ на голову. Рука такая тяжелая. Можетъ быть отъ колець? Ихъ такъ много на пальцахъ. И какая холодная рука. Тяжелая и холодная.

Родители прожили недѣлю въ Кіевѣ и каждый день навѣщали меня.

— Послушай, Оля, почему у тебя такой видъ? — спрашивалъ меня папенька.

— Чего ты боишься? — допрашивала маменька. Я молчала. Отвѣчать было такъ долго: я боялась всего.

Уже съ ранняго утра, когда раздавался звонокъ къ вставанью, я открывала глаза съ испугомъ: — Ужь не наказана ли я?

Какъ то случилось, что двѣ старенькія второгодницы, проснувшись раньше срока, успѣли нашумѣть и нашалить, пока всѣ еще спали. Когда же на шумъ явилась классная дама, юркнули въ постели и представились спящими, да такъ хорошо, что виновныхъ не нашли и потому наказали цѣлый классъ: всѣхъ оставили безъ передниковъ. Я заспалась, про-

снулась, когда и классной дамы уже не было въ дортуарѣ. И вдругъ говорятъ: Наказаны! Безъ передниковъ!

Такъ вотъ этотъ случай, когда я оказалась наказанной, пока еще спала, страшно меня напугалъ. Спишь, а во снѣ уже наказана. Непонятно и очень какъ то страшно.

И широкихъ пустыхъ безконечныхъ корридоровъ я боялась, боялась гула шаговъ по нимъ, боялась бѣлыхъ стѣнъ классовъ и дортуаровъ, среди бѣлизны которыхъ такъ рѣзко выступали черныя скамьи со столами и кровати всѣ, какъ одна. Боялась я и классныхъ дамъ въ синемъ, даже воспитанницъ и тѣхъ боялась. Въ широкихъ юбкахъ, бѣлыхъ перелинахъ и бѣлыхъ фартукахъ, онѣ казались мнѣ всѣ на одно лицо. Въ дортуарѣ одна изъ дѣвочекъ, тоже новенькая, пробовала со мной заговорить. Днемъ мнѣ захотѣлось ее разсмотрѣть. Стала я искать ее глазами, всматриваться,—не нашла. Всѣ одинаковыя, всѣ, какъ одна. Потеряешь—никогда не найдешь. И свой классъ я плохо отличала. Запомнила коричневыя юбки и старалась отъ нихъ не отбиваться.

Родители уѣхали.

Въ послѣднюю минуту разставанія я такъ вцѣпилась въ маменьку, что меня съ трудомъ оторвали. Я плакала, билась, просилась домой, къ бабушкѣ.

Послѣ слезъ мнѣ стало легче. Съ меня сошла деревянность, душа оттаяла. Я стала привыкать къ институту и потомъ не только привыкла, но и полюбила его.

Я была казеннокоштной воспитанницей, и по тогдашнимъ институтскимъ правиламъ, такихъ, какъ я, отпускали на лѣтніе каникулы съ особаго разрѣшенія. Родители мои о такомъ разрѣшеніи не хлопотали. Жили они далеко отъ Кіева, выѣзжать изъ Каменецъ-Подольска было трудно. Отецъ былъ связанъ службой, мать домомъ и дѣтьми, которыхъ прибавлялось съ

каждымъ годомъ. Меня надо было привезти изъ института и доставить обратно. Желѣзной дороги тогда не было, и такое путешествіе было очень затруднительно и стоило дорого.

Въ то время казенныхъ воспитанницъ было больше, чѣмъ другихъ, учившихся на свой счетъ, и лѣтомъ насъ оставалось въ институтѣ много.

Лѣтніе дни мы съ утра и до вечера проводили въ большомъ, тѣнистомъ институтскомъ саду.

Въ саду этомъ были три открытыя галлерей. Вотъ въ этихъ галлерейяхъ мы и просиживали цѣлыми днями. Гулять вволю намъ не позволяли.

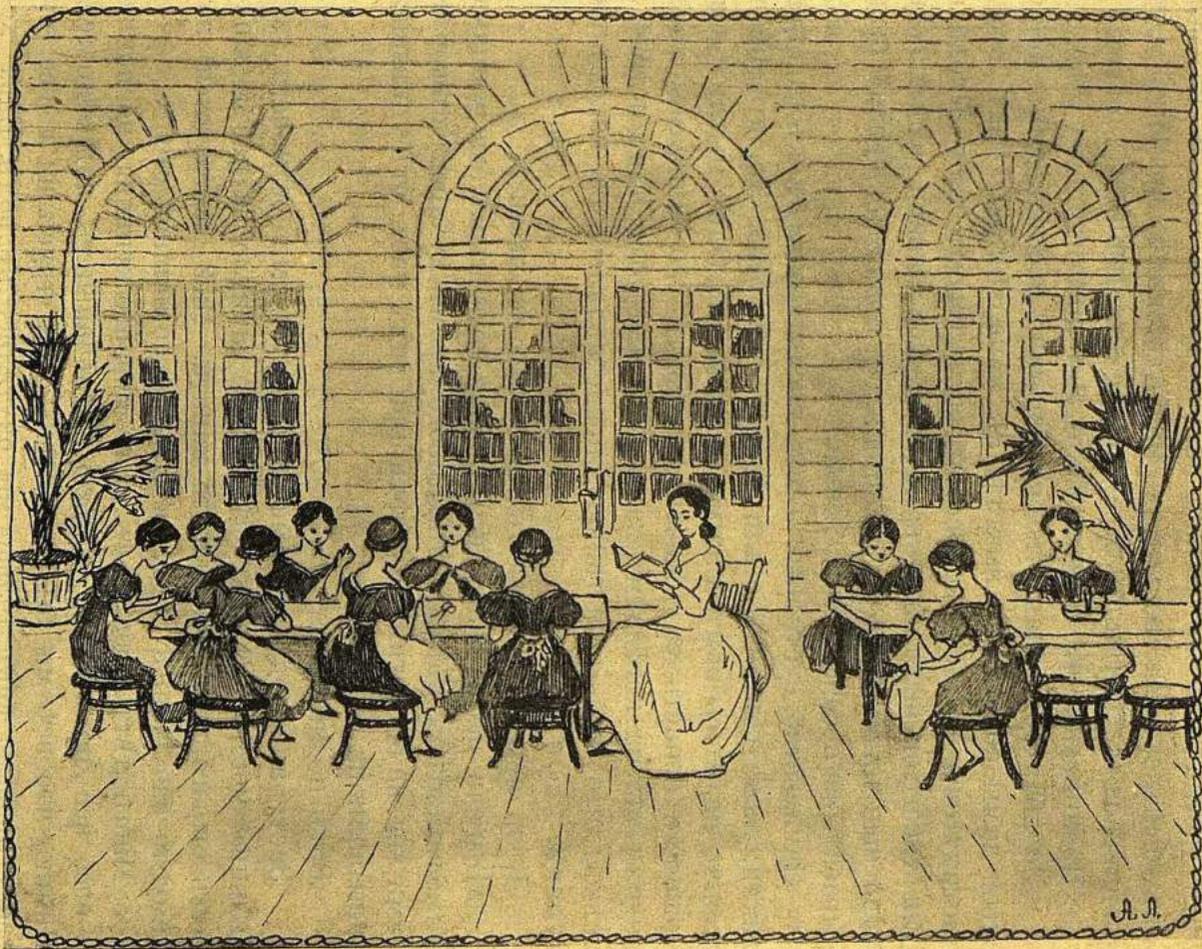
Сейчасъ же, послѣ утренняго чая, классная дама раздавала намъ институтское бѣлье. За лѣто мы должны были исполнить срочную работу. Кто не кончалъ, того наказывали. Во время шитья воспитанницы одна за другой читали по очереди по французски.

О нѣмецкомъ чтеніи я что-то не помню. Нѣмецкій языкъ у насъ былъ на второмъ планѣ. Главное вниманіе обращали на французскій.

Такъ просиживали мы за работой до двѣнадцати часовъ. Въ 12 завтракали, а послѣ 12-ти до 2-хъ отдыхали и тоже сидѣли въ галлерейяхъ, но уже безъ шитья. Въ два часа намъ дѣлали диктовку русскую, французскую или нѣмецкую, а потомъ давали опять шитье и шили мы уже до 5 часовъ, когда раздавался звонокъ къ обѣду.

Послѣ обѣда намъ разрѣшалось гулять. Ходили по-парно по дорожкамъ верхней части парка. Внизъ спускаться было запрещено. Оттуда былъ видѣнъ Крещатикъ, самое людное мѣсто, а такое зрѣлище для институтокъ считалось неподходящимъ.

Помню, что Пироговъ, тотъ докторъ-хирургъ, который по-

А. Л.

Такъ просиживали мы за работой до двѣнадцати часовъ.

томъ прославился не только на всю Россію, но и на весь міръ, былъ у насъ главнымъ институтскимъ врачомъ. Онъ предписалъ воспитанницамъ купанье въ Днѣпрѣ.

Предписанье это взволновало весь институтъ.

Волновалось начальство, волновались воспитанницы. Клас-сныя дамы обсуждали вмѣстѣ съ начальницей, какъ вести институтокъ, что брать съ собой, въ которомъ часу выходить. Для такого небывалаго въ институтской жизни событія не было еще никакихъ установившихся правилъ, нужно было выработать совершенно новыя.

Начальство суетилось, а мы, воспитанницы, какъ то при-тихли, даже говорить стали больше шопотомъ. То, что пред-стояло, казалось намъ такимъ огромнымъ. Одна мысль о воз-можности попасть за рѣшетку и пройти по улицамъ, какъ ходили тѣ, на кого намъ запрещали смотрѣть, такъ потрясла всѣхъ, что все дальнѣйшее представлялось въ какомъ то туманѣ.

Ночь передъ купаньемъ мы почти не спали.

Вывели насъ очень рано и повели по пустымъ еще улицамъ мимо запертыхъ магазиновъ. Никого, кромѣ кухарокъ съ корзи-нами, мы не встрѣтили. Кухарки, при видѣ насъ, отъ удивленія застывали на мѣстѣ.

Вотъ и Днѣпръ.

Застучали подъ нашими институтетскими ботинками ку-пальные мостки. Рѣчной свѣжестью пахнуло на насъ, запа-хомъ сырого лѣса, намокшаго каната. Мнѣ вспомнился по-чему то бабушкинъ садъ, ея розы, вспомнилась степь...

Много лѣтъ прошло съ этого перваго купанья, но помню я его, все помню, до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Помню, что всѣ мы были смущены, всѣ трусили и все это сразу прошло, какъ только мы очутились въ водѣ. Едва хо-

людныя струйки коснулись нашихъ тѣлъ, мы всѣ точно переродились. Пропалъ страхъ, исчезло смущеніе. Института, какъ не бывало. Было только солнце, вода, а въ водѣ мы, свободныя, какъ стая мелкихъ рыбешекъ, юлившихъ около темныхъ, по краямъ покрытымъ зеленой плесенью, купальныхъ ступенекъ.

Кто умѣлъ плавать—плавалъ, кто не умѣлъ—хватался за канатъ и билъ ногами. Брызги, плески, визги, хохоть, звонкій крикъ. Классныя дамы ходили вдоль рѣшетчатой загородки и, вытянувъ шеи надъ водой, шевелили губами, пугливо отскакивая отъ долетавшихъ брызгъ. Что онѣ говорили—про то знали только онѣ однѣ. Никто на нихъ не смотрѣлъ, никто ихъ не слышалъ, одни стрижиные крики стояли надъ вспѣнной водой. Все, что сдерживало насъ, оставили мы вмѣстѣ съ нашими казенными, аккуратно сложенными на скамьяхъ, платьями.

Выходить изъ воды, разставаться съ свободой никто не хотѣлъ. Классныя дамы уже не боялись брызгъ, стояли мокрая и въ ужасѣ простирали къ намъ руки. Выходить изъ воды стали мы только тогда, когда намъ сдѣлалось холодно.

На обратномъ пути улицы были уже болѣе людныя.

Классныя дамы такъ отчитали насъ за купанье, пока мы одѣвались, что мы сразу притихли.

Шли чинно, парами, какъ насъ учили. На плечахъ у насъ были платки, на головахъ бѣлыя батистовыя шляпы съ полями, а подъ шляпами мокрые волосы. И всѣ встрѣчныя оборачивались на насъ, даже останавливались и долго смотрѣли вслѣдъ. Отъ смущенія мы, кромѣ самыхъ отчаянныхъ, такъ низко наклоняли головы, что ничей посторонній глазъ не могъ разсмотрѣть, до чего мы были взволнованы. Все это

вырвалось наружу, когда мы опять очутились за рѣшеткой, среди каменныхъ стѣнъ, въ галлерейхъ нашего сада.

И что это за сумбуръ начался. Въ этотъ день не шили и не читали. Воспитанницы ежеминутно срывались съ мѣстъ, подбѣгали другъ къ другу, потрогать все еще сырые волосы или перекликивались съ одного конца стола на другой, вспоминая разныя подробности купанья.

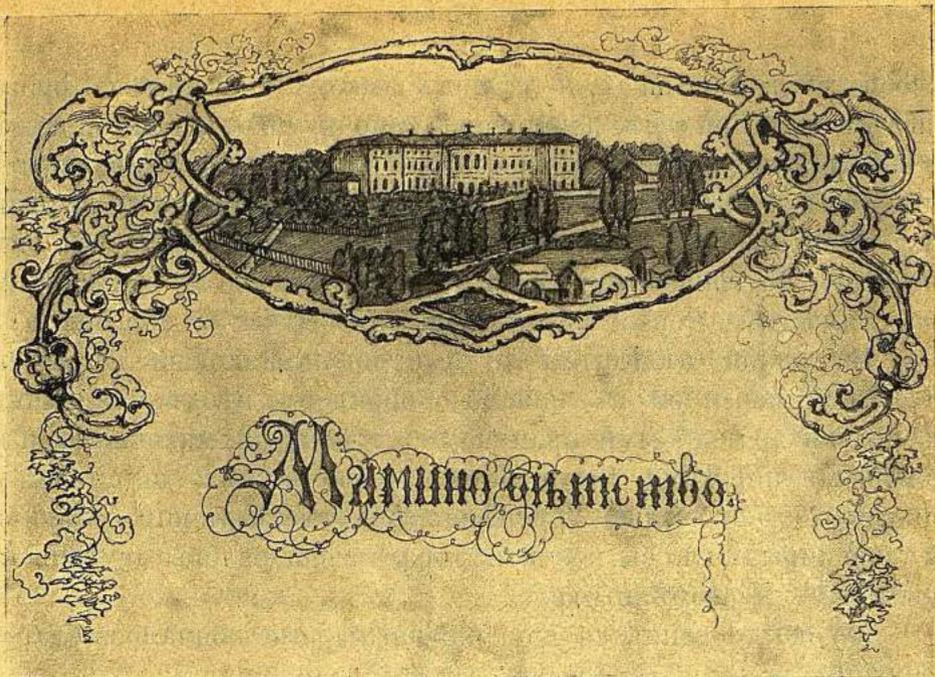
Классныя дамы останавливали, сердились, но ихъ плохо слушали. Даже обычная послѣобѣденная прогулка и та не состоялась. Воспитанницы точно разучились двигаться попарно, а нѣсколько отчаянныхъ даже очутились внизу и, вытянувъ шеи, застыли въ созерцаніи Крещатика. Наказали всѣхъ до одной.

Потомъ приходила начальница...

Печально кончился день.

Больше насъ не водили купаться на Днѣпръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

(Продолженіе).

Черезъ два года, лѣтомъ, меня навѣстили родители; они привезли въ институтъ мою сестру Сашу.

Цѣлыхъ два года не видѣла я никого изъ моихъ домашнихъ. Аккуратно, два раза въ мѣсяць, писала я имъ. Письма отъ нихъ приходили рѣдко. Родители писали мнѣ два раза въ годъ, не больше. Обыкновенно въ конвертѣ я находила еще записочку отъ бабушки съ нѣжными словами и сообщеніемъ, что на имя классной дамы мнѣ посланы деньги. Деньги нужны были на почтовую бумагу, на марки, на гребенки, на зубныя щетки, на душистое мыло и помаду. Тогда всѣ помадили волосы. Помадь было много. Помню, была такая, въ жестяной баночкѣ, съ надписью „violette“, но особенно славилась тополевая помада. Стоила она дороже другихъ и имѣть въ

своей собственной шкатулочкѣ подѣ замкомъ, ключъ отъ котораго былъ всегда при себѣ, фарфоровую баночку съ зеленоватою пахучею мазью, считалось верхомъ блаженства. Если, послѣ пріобрѣтенія всѣхъ этихъ предметовъ роскоши, оставались еще деньги, ихъ отбирала на храненіе классная дама и выдавала въ четверги по гривеннику, а въ воскресенье по двугривенному на сладости, которыя можно было пріобрѣтать у торговки.

Ей одной вѣдомыми путями проникала она со своей огромной корзиной въ нижній корридоръ и одѣляла всѣхъ желающихъ медовыми пряниками, леденцами, маковниками и сладкими пирогами. Корзина была неистощима, аппетитъ у институтокъ огромный—вѣрнѣе, онѣ всегда были впроголодь—и такіе пиры могли бы кончаться трагически, еслибы двугривенный былъ неразмѣннымъ.

Съ обыкновеннымъ двугривеннымъ все кончалось благополучно.

Кромѣ этихъ пировъ въ нижнемъ корридорѣ бывали еще и другіе.

Въ Кіевѣ на Крещенъе бывала большая ярмарка, на которую помѣщики высылали возы съ разными деревенскими припасами. Тѣ, кто имѣлъ дочерей въ институтѣ, обыкновенно присылали имъ отдѣльный возъ съ деревенскими гостинцами. Въ посылкѣ бывали и копченые гуся, и колбасы, и масло, и медъ, и орѣхи въ меду, и смоквы, и пастила, и варенье, и шипечки изъ сладкаго тѣста въ меду.

Намъ тоже присылали варенье, баночки съ халвой, сухія груши, яблоки.

Все это отбиралось классной дамой и выдавалось по порціямъ, но, при умѣньѣ и покровительствѣ кого нибудь изъ сторожей, можно было крупницу этихъ сокровищъ получить и на руки. Такой тючекъ прятали обыкновенно въ нетопленную

печку. Угощались ночью въ дортуарахъ. Откупорить такой тючекъ иногда бывало очень затруднительно. Для своихъ укладывали и упаковывали особенно тщательно, а у инсти-тутокъ никакихъ приспособленій для того, чтобы вскрывать посылки, кромѣ собственныхъ неумѣлыхъ рукъ, не было.

Выручала всегда одна. Звали ее Лелей и Леля эта была совсѣмъ особенная и совсѣмъ на насъ не похожая.

У этой Лели въ шкатулкѣ, вмѣсто душистаго мыла и помады, лежалъ ножъ. Ножъ, какъ ножъ, даже самый обыкновенный, но намъ, воспитанницамъ, онъ казался ужаснымъ. Какъ достала Леля ножъ—это было ея тайной, но достала она его, чтобы откупоривать желающимъ посылки.

За это она брала извѣстную мзду.

— Ножъ меня кормить,—объясняла она намъ.—Безъ него я давно бы съ голоду померла.

Леля была очень красивая, рослая, румяная дѣвочка, но мы всѣ ее побаивались и сторонились отъ нея. Насъ она презирала и называла пискуньями. Весь институтъ зналъ Лелю. Извѣстность она приобрѣла съ первыхъ же дней своего поступленія въ институтъ.

Какъ то во время урока ея мѣсто на скамейкѣ оказалось пустымъ. Классная дама пришла въ волнеціе, пропавшую принялись искать, но ея нигдѣ и слѣда не было. Доложили начальницѣ, весь институтъ пришелъ въ смятеніе. Поставили на ноги сторожей, дѣвушекъ, обыскали всѣ углы, но новенькой не нашли. Исчезла новенькая.

Куда исчезла—никто не понималъ. Думали уже, что, какъ это ни невозможно, а убѣжала. И вдругъ нашли ее на чердакѣ. Поймали, повели къ начальницѣ, допрашивали. Она отвѣчала, отвѣчала храбро, безъ малѣйшаго смущенія, съ сознаниемъ своей правоты:

— Ёсть хотѣла. На чердакъ полѣзла посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ голубиныхъ яицъ. Хотѣла изъ нихъ яичницу на свѣчкѣ жарить.

Такъ говорила она и даже головы не опускала, такъ и смотрѣла на всѣхъ своими огромными прекрасными глазами. Ее заперли въ карцеръ.

Карцеръ помѣщался въ концѣ длиннаго нижняго корридора, гдѣ находился костель. Карцеръ этотъ былъ похожъ на шкафъ и освѣщался окошкомъ сверху. Давно въ него никого не сажали. Воспитанницы, въ общемъ, были благонравны. Тогда и дома дѣтей держали строго, вдаль отъ старшихъ, а въ институтѣ вся обстановка сразу пріучала къ тишинѣ и спокойствію.

Особенныхъ шалостей не было. Развѣ привяжутъ бумажку къ платью или какойнибудь изъ нелюбимыхъ классныхъ дамъ засунуть работу въ печку. Только и всего. Въ такихъ исключительныхъ случаяхъ виновную обыкновенно водили къ начальницѣ.

Женщина въ черномъ, величественная и строгая, говорила каждой преступницѣ одни и тѣ же слова, всегда производившія одинаково потрясающее впечатлѣніе.

Преступница, заливаясь слезами раскаянія, возвращалась къ подругамъ до такой степени потрясенной, что одна мысль, что когонибудь „позовутъ къ начальницѣ“ удерживала отъ самыхъ сильныхъ преступленій.

Но на дѣвочку, забравшуюся на чердакъ за голубиными яйцами, ни начальница, ни карцеръ, впечатлѣнія не произвели.

Выпущенная изъ карцера, она увѣряла, что провела время тамъ отлично. Переговаривалась со сторожемъ, который, „умнѣ всѣхъ въ институтѣ вмѣстѣ взятыхъ“. Сторожъ соскучился одинъ въ пустомъ корридорѣ у костела и обрадовался,

Мы мигомъ расхватывали хлѣбъ.

видно, что есть съ кѣмъ поговорить. И хлѣба онъ ей даль вдоволь.

Скоро дѣвочка эта передружилась со всеѣми сторожами и горничными. Они всеѣ любили ее и подкармливали потихоньку.

Эта же Леля показала намъ дорогу къ панни Кухарской, институтской экономкѣ. И мы всеѣ, когда насъ выпускали въ садъ, стали бѣгать къ окошку за толстыми желѣзными прутьями.

Это было окошко институтской кладовой и приходилось оно почти на уровнѣ земли.

Панни Кухарская, замѣтивъ, что въ комнатѣ вдругъ потемнѣло, поднимала голову отъ работы. Она всегда была съ какой нибудь работой въ своей кладовенкѣ эта панни Кухарская. Работа откладывалась въ сторону и розовенькая старушка въ бѣломъ чепцѣ, завязанномъ подъ подбородкомъ большимъ бантомъ, принималась торопливо намазывать повидломъ куски чернаго хлѣба.

А мы смотрѣли и ждали.

Потомъ отворялось лѣтомъ все окошечко, а зимой только форточка и мы мигомъ расхватывали хлѣбъ.

— Спасибо! Спасибо, панни Кухарская!

— На здоровье, дѣти мои, на здоровье.

Окошечко захлопывалось. Мы неслись по дорожкѣ къ мѣсту, гдѣ намъ полагалось быть, на бѣгу дожевывали хлѣбъ и облизывали сладкія губы.

Разъ въ недѣлю намъ раздавали письма. Читала ихъ предварительно классная дама и отдавала ихъ воспитанницѣ не въ положенный для раздачи день только въ томъ случаѣ, если въ письмѣ было что-нибудь особенное. Помню, что изъ всеѣхъ писемъ, полученныхъ мною изъ дома, особенно сильное впечатлѣніе произвело на меня одно, въ которомъ мнѣ написали о рожденіи новаго брата.

„Теперь у тебя новый братецъ, зовуть его Гришей“.

Такъ написали мнѣ.

Я читала и перечитывала эти двѣ строчки.

— Новый братецъ! Гриша! Какой онъ? И какъ же это: братецъ, настоящій братецъ, а я его еще не видала и когда увижу, тоже неизвѣстно.

Я сунула письмо за лифъ. За урокомъ я была разсѣяна, а въ перемѣны, забравшись въ укромный уголокъ, вынимала письмо, перечитывала.

— Братецъ?! Развѣ бываютъ такіе братцы, которыхъ сестры въ глаза не видѣли?

— Что съ тобой, Оля? Что случилось?—спрашивали меня подруги.

— Ничего, такъ,—уклонялась я отъ прямого отвѣта.

Какъ сказать о такомъ необыкновенномъ, почти чудесномъ случаѣ—я не знала. Но, когда вечеромъ мы уже были въ постеляхъ, я не выдержала и шопотомъ рассказала моей сосѣдкѣ о братѣ. Та была поражена и тоже шопотомъ сообщила эту новость на кровать рядомъ. Черезъ нѣсколько минутъ весь дортуаръ бросился ко мнѣ. Меня поздравляли, цѣловали и всѣ почему-то радовались. И я принимала поздравленія, радовалась, цѣловалась. Оказалось, что не у меня одной такой братецъ. У нѣкоторыхъ были тоже и братцы, и сестрицы, самые настоящіе, но которыхъ онѣ, какъ и я, еще не видали. И то, что я не одна, что у меня „какъ у другихъ“,—успокоило меня. Когда на слѣдующій годъ пришло письмо съ извѣщеніемъ, на этотъ разъ, о новой сестрицѣ, оно уже меня не взволновало. Я сразу рассказала новость подругамъ, принимала поздравленія и сіяла, потому что меня называли счастливой.

Когда привезли сестру Сашу, она мнѣ рассказала все подробно о новыхъ братцахъ и сестрицахъ и о старыхъ преж-

нихъ, съ которыми я была знакома, тоже много рассказывала. Узнала я отъ нея, что Петю отдали въ корпусъ. Попалъ онъ въ Черниговскій корпусъ и его увезли туда.

Бабушка осталась совсѣмъ одна. Предлагали ей взять кого-нибудь изъ дѣтей вмѣсто Пети, но она не захотѣла.

— Только привыкнешь — отнимаютъ. Такъ больше не хочу и не могу. Буду Олюсю дожидаться, — сказала она. И стала жить совсѣмъ одна, утѣшаясь лѣтомъ садомъ и своими любимыми розами, за которыми когда-то мы ухаживали съ нею вдвоемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мессина.

Мессинецъ.

ЗА много столѣтій до Рождества Христова отъ береговъ гористой и бѣдной Греціи, изъ гаваней скалистыхъ и голыхъ острововъ Архипелага, изъ богатыхъ полувосточныхъ городовъ Малой Азіи осторожно и боязливо пробирались отъ острова къ острову, отъ берега къ берегу легкія весельныя и парусныя суденушки.

Они везли людей искавшихъ счастья и богатства, мечтавшихъ о безбѣдной и свободной жизни, жаждавшихъ найти такую страну, гдѣ бы рѣки текли молокомъ и медомъ, гдѣ бы щедрая мать-земля

III.

Учителя.

МНОГО хорошихъ минутъ проводила я съ Сашей. Она поступила классомъ младше меня, но всѣ перемѣны и вечера мы бывали вмѣстѣ.

Саша была плохо подготовлена. Въ дорогой пансіонъ ее не отдавали. Съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивалась семья, средствъ у родителей становилось все меньше, и сестру приготовили кое-какъ. Въ институтѣ первое время ей приходилось трудно и я репетировала съ нею. Для этихъ дополнительныхъ занятій ученицы забирались вече-

ромъ въ пустые классы и занимались при свѣтѣ собственной сальной свѣчи.

Особенно плоха была Саша въ ариѳметикѣ.

Преподавалъ этотъ предметъ старый-престарый учитель, котораго мы всѣ звали „дѣдушка Авраамъ“.

Дѣдушка Авраамъ многого съ насъ не требовалъ.

— Ничего, ничего, научится считать, когда слѣдается хозяйкой, — вотъ что онъ говорилъ обыкновенно въ утѣшеніе своимъ ученицамъ, а можетъ быть, и себѣ самому. Утѣшать же и самому утѣшаться ему приходилось часто. Воспитанницы, по части ариѳметики, были удивительно безтолковы. Едва осиливали четыре дѣйствія надъ простыми числами, именованныхъ чисель и дробей совсѣмъ не понимали. И никто отъ этого не приходилъ въ ужасъ. Въ тѣ времена думали, что ариѳметика барышнямъ почти что не нужна. Наша класеная дама ничего кромѣ дѣйствій надъ простыми числами не признавала, про все дальнѣйшее, а особенно про дробь выражалась не иначе какъ: „ce sont des bagatelles“.

Но Саша была безтолкова свыше всякой, даже институтской, мѣры. Простое дѣленіе было для нея камнемъ преткновенія. Осилить его она такъ и не могла. Даже и институтъ кончила безъ дѣленія. Виновата, конечно, была въ этомъ не одна Саша. Дѣдушка Авраамъ, милый добрый старикъ, училъ такъ, что понять что-нибудь было мудрено. Довести насъ до выпуска ему не удалось. Какъ то дѣдушка Авраамъ не пришелъ на свой урокъ. Намъ сказали, что онъ умеръ. Плакали мы о немъ всѣ ужасно.

Учитель, смѣнившій дѣдушку Авраама, былъ совсѣмъ на него не похожъ. Ариѳметика сразу стала страшной. Новый учитель все ставилъ единицы, но мы отъ этого умнѣе не дѣлались. Бѣдная Саша выходила послѣ урока ариѳметики

вся испуганная, а передъ урокомъ забѣгала ко мнѣ, чтобы я ее перекрестила.

Но былъ учитель, котораго Саша утѣшала своими успѣхами. М-г St.-Mari, нашъ институтскій преподаватель танцевъ, былъ отъ нея въ восторгѣ.

Она была хорошенѣкая, граціозная дѣвочка съ пепельными волосами и совсѣмъ черными глазами. Любила танцы, и все ея очарованіе дѣлалось особенно замѣтнымъ, какъ только она надѣвала прюнелевые башмаки. Ходили слухи, что м-г St.-Mari у себя на родинѣ былъ барабанщикомъ и въ этомъ не было ничего невѣроятнаго. Бранился онъ ужасно, а случалось, что и билъ ученицъ смычкомъ по ногамъ. Самъ же ничего кромѣ разныхъ „па“ показать намъ не могъ. Танцевали мы и „менуэтъ“ и „prince imperial“, но научила насъ этому классная дама. Саша всѣ „па“ выдѣлывала въ совершенствѣ и м-г St.-Mari ставилъ ее въ примѣръ во всѣхъ классахъ. Меня онъ не любилъ. Иначе, какъ „une vrai baba russe“ не называлъ и не вѣрилъ, что Саша моя сестра. Для меня уроки танцевъ были такими же страшными, какъ для Саши ариѳметика.

Прюнелевыя ботинки для танцевъ дѣйствовали на насъ совсѣмъ различно: Сашу онѣ украшали, меня дѣлали глупой и пеловкой.

Но среди нашихъ преподавателей было двое, которыхъ мы любили всѣ безъ исключенія: это Виталій Яковлевичъ Шульгинъ и Николай Христіановичъ Бунге. Знали этихъ двухъ людей не только у насъ въ институтѣ и въ университетѣ св. Владиміра, гдѣ они оба были профессорами—ихъ знала вся Россія.

На кафедрѣ маленькій горбатый человекъ съ длинными руками, короткими ногами, огромными ступнями. Его большая

голова съ длинными русыми волосами кажется посаженной безъ шеи прямо на плечи. Впалые, большіе, голубые, добръишіе близорукіе глаза прикрыты очками въ золотой оправѣ. На горбатомъ человѣкѣ синій вицмундиръ съ золотыми пуговицами. Это Виталій Яковлевичъ Шульгинъ. Безъ всякихъ записокъ онъ читаетъ институткамъ лекцію по всеобщей исторіи и читаетъ такъ, что нѣтъ ни класса, ни ученицъ, ни профессора, а есть только то, куда онъ переноситъ насъ силою своего слова.

— Какъ можно меньше чиселъ и именъ и какъ можно болѣе живыхъ людей, — вотъ слова, которыя онъ принималъ за правило, преподавая исторію.

Печатнаго руководства по исторіи у насъ не было. Въ это время учебниковъ, а особенно хорошихъ, было мало. Учились мы по запискамъ. Записки эти составлялись самимъ Виталиемъ Яковлевичемъ. Относились мы къ нимъ бережно и отдавали ихъ въ переплетъ. Впослѣдствіи Шульгинъ составилъ три учебника по исторіи. Учебники эти были отпечатаны и сдѣлались родоначальниками теперешнихъ лучшихъ учебниковъ исторіи.

Шульгинъ любилъ, чтобы его слушали и ужасно радовался, когда ему задавали какіе-нибудь вопросы.

— Вотъ это люблю, люблю — говорилъ онъ радостно. — Значить, слушаете, думаете, понимаете. Да вы не робѣйте, побольше, почаще меня спрашивайте.

Въ институтѣ у насъ онъ былъ не только преподавателемъ, но и инспекторомъ. Какъ инспекторъ, онъ старался о процвѣтаніи института и уговорилъ своего друга, Николая Христіановича Бунге, тоже профессора, удѣлить намъ часть своего времени и читать географію и астрономію.

Бунге былъ очень занятъ. Онъ былъ не только профес-

соромъ, но и деканомъ университета, работалъ въ комиссіи по освобожденію крестьянъ и другимъ общественнымъ вопросамъ. Трудно было его уговорить читать институткамъ, но Шульгинъ добился своего. Бунге никакъ не могъ пріѣзжать днемъ, ему устроили вечернія занятія. Занимался онъ съ воспитанницами только двухъ старшихъ классовъ и пріѣзжалъ для этого въ институтъ вечеромъ два раза въ недѣлю отъ 6 до 7¹/₂ часовъ. Занятія эти были дополнительные, но никто изъ насъ на это не жаловался.

Въ дни лекцій Бунге все старались покончить съ заданными уроками пораньше и, какъ на праздникъ, спѣшили въ классъ, освѣщенный двумя стеариновыми свѣчами.

У Бунге, какъ и у Шульгина, книгъ не было. Учились по запискамъ и очень много чертили картъ.

Особенно увлекался Бунге и увлекалъ насъ астрономіей.

Помню, какъ однажды во время каникулъ къ намъ во дворъ изъ университета привезли огромнѣйшій телескопъ и объявили воспитанницамъ, что въ первую ясную ночь Николай Христіановичъ будетъ показывать намъ небо. Ясныхъ дней долго не было и телескопъ, казавшійся намъ еще болѣе таинственнымъ подъ сѣрымъ брезентомъ, все стоялъ недалеко отъ главнаго подъѣзда, среди цвѣточныхъ клумбъ. Наконецъ, настала ясная погода.

Съ утра все поглядывали на безоблачное небо, и по всему институту взволнованно повторялись два слова:

— Сегодня ночью.

За уроками воспитанницы были разсѣяны, перешептывались, отвѣчали невпопадъ. Къ вечеру волненіе еще усилилось. Пришло время ложиться спать, но спать отправили только воспитанницъ младшихъ классовъ. Уходя въ дортуары, онѣ завистливо вздыхали въ нашу сторону:

— Счастливицы!

Счастливицы сидѣли въ столовой съ перекинутыми черезъ руки зелеными фланелевыми платками и ждали, сжимая похолодѣвшіе отъ волненія пальцы.

Наконецъ, появился Бунге и сказалъ что-то классной дамѣ. Насъ поставили въ пары и повели въ цвѣтникъ.

— Господи, точно передъ Свѣтлой заутреней! — услышала я, сквозь легкое шарканье множества ногъ, чей-то взволнованно-восторженный шепотъ. Сошли съ крыльца и всѣ невольно остановились. По ночамъ намъ никогда не приходилось бывать подъ открытымъ небомъ, и звѣздная южная ночь ошеломила насъ. Отъ крыльца института къ воротамъ шла длинная аллея пирамидальныхъ тополей, освѣщенная двумя рядами фонарей, а тамъ, за воротами и оградой, мелькали красноватые огоньки города. Оттуда доносился смутный грохотъ колесъ, неясный гулъ голосовъ, обрывки далекой, сладкой и печальной музыки. Надо всѣмъ этимъ — огромное синее небо и звѣзды, безчисленные, крупныя. Онѣ шевелились, точно дышали бриллиантовымъ пламенемъ, точно спускались съ неба и мигали среди черной путаницы тополевыхъ вѣтвей. Сладко и крѣпко пахли цвѣты на клумбахъ и среди нихъ, уставившись прямо въ звѣздное небо, темнѣла огромная труба телескопа. Съ него сняли брезентъ и Бунге хлопоталъ около него. Насъ выстроили гуськомъ и стали по очереди подводить къ телескопу. Подходили молча, сердце замирало отъ невѣдомаго еще, таинственно-жуткаго чувства. Страшно было посмотрѣть въ эту огромную черную трубу, казалось, что заглядываешь въ вѣчность.

Нѣкоторыя воспитанницы такъ и застывали передъ телескопомъ, вытянувъ шею и прижавъ къ груди концы фланелеваго платка. Молча, выслушивали онѣ объясненія Бунге и

молча отходили. Не хотѣли или не могли передать того, что видѣли. Другія не выдерживали: взвизгивали отъ восторга. Раздавались возгласы:

— Ахъ, mesdames, mesdames, какой восторгъ!

— Кольцо, кольцо! И какъ ясно видно.

Потомъ слышался голосъ Бунге:

— Вы не такъ смотрите, вотъ такъ надо: закройте одинъ глазъ.

Мы стояли и смотрѣли то на красноватые огоньки города, то на свѣтлые звѣздные огни вверху, слушали городской гулъ и обрывки музыки, дышали крѣпкимъ запахомъ ночныхъ цвѣтовъ и опять, какъ во время купанья на Днѣпрѣ, намъ казалось, что нѣтъ ни институтскихъ стѣнъ, ни классовыхъ дамъ, ни уроковъ, а есть только огромный прекрасный міръ, съ пахучими цвѣтами, звѣзднымъ небомъ и мы въ этомъ мірѣ свободныя и радостныя.

Когда насъ снова выстроили парами и повели назадъ въ дортуары, всѣ говорили, шептались, вскрикивали: и молчаливыя и несдержанныя. Классныя дамы энергично, но тщетно призывали насъ къ тишинѣ и спокойствію. Мы перебудили, кажется, всѣхъ младшихъ, по крайней мѣрѣ, когда мы проходили мимо ихъ дортуаровъ, многія темныя головки приподымались съ подушекъ, вытягивались многія тоненькія шеи и вслѣдъ намъ доносился сонный дѣтскій шепотъ:

— Счастливицы!

(Окончаніе слѣдуетъ).

IV.

Выпускъ.

Въ выпускномъ классѣ на меня обрушилось горе.

Умерла моя бабушка.

Въ Кіевъ прїѣзжалъ одинъ изъ нашихъ родственниковъ, и родители попросили его навѣстить меня и сообщить о смерти бабушки. Просили сказать не сразу, а подготовивъ. Но, какъ ни старался мой старый дядюшка, то, что онъ сказалъ, вышло всетаки неожиданно и ужасно тяжело. Ужъ и не помню, какъ я распрощалась съ нимъ, какъ дошла до дортуара. Помню, что очнулась уже въ лазаретѣ и первое, что увидѣла, была огромная коробка съ конфетами, которую

А. Редькин

Дувидко съ поклонами переходилъ отъ одной къ другой и съ каждой снималъ мърку.

дядюшка привезъ мнѣ въ подарокъ. Видъ этой коробки привелъ меня въ такое отчаяніе, что ее поспѣшили убрать. Потомъ уже выпускныя говорили, что конфеты были превкусныя.

Въ лазаретѣ я пробыла нѣсколько дней. Лежала, почти не поднимая головы, и все перебирала въ памяти разныя подробности дядюшкинаго разказа. Бабушка умерла съ моею красной туфелькой въ рукахъ. Умирая, она завѣщала мнѣ свой хуторъ. Но любимый хуторъ, весь садъ съ его цвѣтами и деревьями и низкія, пронизанныя солнцемъ, комнаты стали мнѣ вдругъ совсѣмъ чужими, представлялись такими пустыми, холодными, что одна мысль попасть туда пугала меня.

Изъ лазарета я вышла похудѣвшая и притихшая. Выпускные экзамены были совсѣмъ близко. Родители писали, что собираются пріѣхать къ акту и выражали надежду, что я порадую ихъ моими успѣхами. Я спрятала поглубже свое горе и принялась за учење.

Потомъ намъ объявили, что всѣ, кто хочетъ участвовать въ актѣ, должны внести на выпускное платье и всѣ принадлежности къ нему по 25 рублей. Родители прислали деньги. Въ институтъ явился худой, рыжій, весь въ веснушкахъ, знаменитый въ Кіевѣ портной—Дувидко. Насъ позвали въ дортуаръ, выстроили всѣхъ въ рядъ, а Дувидко, съ поклонами, переходилъ отъ одной къ другой и съ каждой снималъ мѣрку.

Потомъ онъ приходилъ на примѣрку. Мастерницы вносили въ длинныхъ картонахъ платья, мы одѣвались и тогда приглашался Дувидко. Онъ входилъ, весь проникнутый сознаниемъ важности принятой на себя работы.

По очереди, внимательно и подробно, осматривалъ онъ каждое платье и въ каждомъ находилъ необходимымъ дѣлать какія нибудь поправки. Всю работу онъ производилъ двумя пальцами, остальные держалъ на отлетѣ и каждую минуту отскаки-

валь, чтобы издали судить о своемъ произведеніи. Наконецъ, насталь и торжественный день. Это было 1-е іюля 1861 года.

Мы, выпускныя, въ бѣлыхъ тарлатановыхъ платьяхъ, съ такими же бертами, обшитыми кружевомъ и украшенными розовыми ленточками и такого же цвѣта широкими кушаками съ длинными концами, въ черныхъ прюнелевыхъ ботинкахъ и бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ на одну пуговку, по очереди вызывались къ торжественному, краснымъ сукномъ покрытому столу и отходили отъ него съ огромными пергаментами. На этихъ пергаментахъ написано было все, чему и какъ научились мы въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Мнѣ, кромѣ аттестата, вручили еще и медаль.

Родители смотрѣли на насъ съ гордостью и радовались. И мы тоже радовались. Радовались аттестатамъ, радовались тому, что кончили, что вырываемся на свободу, но главная радость была въ томъ, что мы были молоды, всѣ хотѣли жить иначе, чѣмъ жили долгіе годы въ институтскихъ стѣнахъ и всѣ чувствовали, что эта новая, таинственная и прекрасная жизнь уже близко.

Потомъ мы переодѣвались въ дортуарахъ и обливали слезами тарлатановыя оборки и розовыя ленты выпускныхъ платьевъ.

Разставаться съ подругами было такъ грустно. Мы обнимались, цѣловались, клялись, что будемъ писать другъ другу часто-часто, что не забудемъ другъ друга никогда-никогда. Наконецъ разстались, условившись встрѣтиться еще разъ на другой день въ Царскомъ саду ровно въ 6 часовъ вечера.

И встрѣтились.

Это былъ, какъ разъ, часъ большого гулянья. Играла музыка. По большой аллеѣ прохаживались расфранченные и въ мѣру оживленные гуляющіе. Въ мѣру любопытные, огля-

дывали они другъ друга, сдержанно переговаривались, разсѣянно слушали музыку.

Это былъ первый разъ, что я очутилась среди толпы, среди чужихъ людей. Правда, я была не одна, со мной были родители, но за годы институтской жизни я отвыкла отъ нихъ. Своимъ, близкимъ было то, что жило съ нами одной жизнью за высокими бѣлыми институтскими стѣнами. Все остальное казалось для насъ такимъ-же чужимъ и непонятнымъ, какъ и мы для него.

Я растерялась, какъ только вошла въ садъ.

Музыка... толпа... все чужіе и всё, какъ будто, смотрятъ прямо на меня. Я шла со стороны маменьки и какъ-то невольно прижалась къ ней, но почувствовала, что и этого нельзя. Маменька нѣжно, но довольно выразительно отстранила меня.

Чинно и торжественно выступали мы по главной аллеѣ мимо встрѣчныхъ рядовъ гулявшихъ. Маменька подъ руку съ папенькой. Я сбоку. И казалось мнѣ, что все это я вижу во снѣ.

Но вдругъ, поднявъ глаза, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ аллея переходила въ площадку, на которой игралъ оркестръ, я замѣтила милое близкое лицо. Это была своя, институтская. И какъ во снѣ просыпаются съ крикомъ, съ такимъ же крикомъ полетѣла я къ ней. И не я одна. Всѣ, кто сговаривался встрѣтиться, вдругъ разсмотрѣли другъ друга и очутились вмѣстѣ. Точно бабочки, подхваченныя вѣтромъ, неслись мы на встрѣчу другъ другу. Все, что близило насъ шесть долгихъ лѣтъ, все это бурно и неудержимо стянуло насъ въ одну стаю. Мы бросались въ объятія другъ друга, цѣловались, смѣялись, плакали, опять обнимались. А кругомъ всѣ смотрѣли на насъ, удивлялись, перешептывались и улыбались. Родители тоже улыбались, но улыбались растерянно и сконфуженно. Имъ было вовсе не смѣшно.

Какъ во снѣ просыпаются съ крикомъ, съ такимъ же крикомъ полетѣла я къ ней.

Потомъ насъ развели по домамъ.

Дома мнѣ пришлось выслушать много наставленій. Особенно была недовольна маменька. Она укоряла меня въ томъ, что я не умѣю себя держать, говорила, что изліяній, подобныхъ тѣмъ, какія мы позволили себѣ въ городскомъ саду, въ общественныхъ мѣстахъ быть не должно.

На другой день родители и я заѣзжали еще разъ въ институтъ съ прощальнымъ визитомъ къ начальницѣ. Тамъ я опять встрѣтилась съ подругами, но на этотъ разъ мы не допустили себя ни до какихъ изліяній. Даже поздоровались какъ то сдержанно, а цѣлуясь, не припадали другъ къ другу. Вѣроятно, не мнѣ одной пришлось выслушать наставленія о томъ, какъ держать себя. И наставленія, какъ видно, подѣйствовали, а можетъ быть, и не одни наставленія. Можетъ быть, за это время, какъ его ни мало прошло со дня выпуска, между нами уже встала новая настоящая жизнь, встала и разъединила то, что соединяли институтскія стѣны.

Въ пріемную къ начальницѣ вызвали и сестру Сашу. Она пришла съ заплаканными глазами, но увидѣвъ насъ такими измѣнившимися, такими на себя непохожими, принялась съ любопытствомъ разсматривать и насъ и всѣ подробности нашихъ первыхъ визитныхъ туалетовъ.

— Вотъ попроси, чтобы черезъ годъ мнѣ такое купили, — видишь, то зеленое барежевое, въ клѣточку, — шептала она мнѣ. — Запомни!

И она крѣпко сжимала мнѣ руку похолодѣвшими пальцами. Когда я вернулась уже отъ дверей, чтобы поцѣловать ее еще разъ, она припала ко мнѣ, вся въ слезахъ, и все повторяла мнѣ одной понятныя, а для другихъ странныя, слова:

— Ахъ, ариѳметика! Ахъ, ариѳметика! и какъ же теперь съ дѣленіемъ!?

Вечеромъ въ тотъ же день мы выѣхали изъ Кіева. Ъхали, какъ и въ институтъ, все въ той же нашей каретѣ, припрягая къ ней смѣнныхъ почтовыхъ лошадей.

Когда выѣзжали изъ гостиницы, я думала о томъ, куда прикрутили мой сундукъ съ тарлатановымъ платьемъ, медалью и аттестатомъ. И воздушное бѣлое платье, и большой аттестатъ, и маленькая, тяжелая медаль мнѣ нравились необыкновенно, но разсмотрѣть ихъ, какъ слѣдуетъ, я еще не успѣла. Слишкомъ много было суеты и впечатлѣній за послѣдніе дни.

Сѣли въ карету, поѣхали городомъ, въ которомъ я жила такъ долго и который знала такъ мало.

— Прощай, Кіевъ! Прощай, институтъ! До свиданія, Саша!

И высунувшись изъ окна кареты, я кивала головой въ ту сторону, гдѣ на горѣ стояло бѣлое зданіе, окруженное чугунной рѣшеткой и темными вѣковыми тополями.

И опять, какъ шесть лѣтъ тому назадъ, и впереди, и позади, и по сторонамъ выжженная солнцемъ и посѣрѣвшая отъ пыли у дороги степь. Опять я сижу съ папенькой и маменькой въ нашей каретѣ. Узнаю сафьяновую зеленую обивку съ пуговками, дорожныя мѣшечки по стѣнкамъ. Все прежнее, знакомое. Прежнее—и, какъ будто, другое. Все, точно посѣрѣло; сафьянъ мѣстами облупился, повиытерся, пуговокъ кое-гдѣ не достаетъ. Постарѣла наша карета. Я смотрю на сидящую противъ меня маменьку. Въ каретѣ, не смотря на открытыя настѣжи окна, душно, и она сняла шляпу. Голова ея откинута назадъ, глаза закрыты. Я вглядываюсь въ тонкое, красивое лицо и вдругъ замѣчаю, что у маменьки волосы уже не такіе золотые, какими они мнѣ запомнились съ дѣтства. А вѣки какія: точно восковыя, и мелкія-мелкія морщинки по угламъ. И все лицо такое усталое. Перевожу глаза на папеньку. Онъ дремлетъ. И онъ тоже, какъ

будто, усталъ, и усы у него посѣдѣли, а на вискахъ волосы совсѣмъ бѣлые. Какъ измѣнились они оба. Я вспоминаю, что Саша, приѣхавъ въ институтъ, что-то рассказывала мнѣ о томъ, что дома у насъ все по другому. Маменька меньше выѣзжаетъ, папенька ходитъ озабоченный, хмурый. Почему бы это? Что случилось? Что перемѣнилось? Безъ меня и бабушка умерла, и ничего, ничего я не знаю, какъ не знаю всѣхъ моихъ новыхъ братьевъ и сестрицъ. Ахъ, эти новые братцы и сестрицы! Я стараюсь представить себѣ, какіе они. Будутъ ли они мнѣ рады? Ждутъ ли меня? Полюблю ли я ихъ, полюбятъ ли они меня? Что то будетъ, что то будетъ? Тревожно стало у меня на душѣ.

Какъ и шесть лѣтъ тому назадъ, мы остановились ночевать въ корчмѣ. Какъ и шесть лѣтъ тому назадъ, я лежала съ открытыми глазами, а за стѣной были тѣ же, пугавшіе меня въ дѣтствѣ, таинственно жуткіе шорохи, шепоты, топоты. И какъ тогда, такъ и теперь мнѣ стало страшно, страшнѣе, чѣмъ прежде. И чувствовала я, что жизнь подошла ко мнѣ совсѣмъ близко, и что уйти отъ жизни мнѣ нельзя, да и некуда. Бабушка умерла. Институтъ вчера еще былъ, а сегодня и его уже нѣтъ. Бабушкинъ хуторъ, тотъ хуторъ, который мы обѣ любили, продали. Это сказала мнѣ маменька передъ сномъ. Я плакала, а маменька говорила:

— Успокойся, Оля, иначе было нельзя. Съ жизнью надо мириться, ее не передѣлаешь. Она сѣрая, сѣрая и тяжелая, какъ камень. То, о чемъ мечтаешь, никогда не сбывается. Ты это увидишь. Прежде всего надо умѣть покоряться.

И когда я вдругъ отняла руки отъ лица, чтобы возразить, то сквозь слезы, какъ сквозь растрескавшееся стекло, смутно увидѣла маменькино лицо, блѣдное и смущенное. Я поняла, что ей тяжело, тяжелѣе, чѣмъ мнѣ. И на сердцѣ у

меня стало такъ горячо, горячо отъ жалости и эта горячая жалость высушила мои слезы. Грустно и спокойно слушала я маменьку. А она говорила о дѣтяхъ, о томъ, что ихъ такъ много и всѣмъ надо дать образованіе, всѣхъ пристроить. Говорила, что денегъ мало, что ѣхать за мной въ институтъ было не на что, что и хуторъ оттого поторопились продать. Иначе нельзя было.

И, жалѣя маменьку, я отвѣчала, что это ничего, что продали, что безъ бабушки жить на хуторѣ было бы слишкомъ грустно, почти невозможно.

Но, когда я легла въ постель, гдѣ никто меня не видѣлъ, я все-таки еще поплакала о хуторѣ. И страшно было мнѣ жизни, отнявшей у меня все то, что я знала и любила.

Въ страхѣ и тоскѣ я заснула.

Проснулась рано. Папенька и маменька еще спали.

Тихонько, чтобы не разбудить ихъ, я одѣлась и пошла на крылечко. Распахнула дверь, да такъ и застыла на порогѣ.

Солнце вставало. Степь пахнула на меня всей свѣжестью еще не согрѣтой земли. И вдругъ вспомнилось мнѣ купанье на Днѣпрѣ, вспомнилась звѣздная ночь въ институтскомъ цвѣтницѣ.

И ярко, какъ никогда еще, точно вдругъ разгорѣвшійся костеръ, вспыхнуло въ душѣ чувство радости и свободы.

— Вотъ она жизнь, вотъ она огромная, свѣтлая и прекрасная. И пускай я вродѣ одной изъ тѣхъ букашекъ, подъ которыми чуть гнутся тонкія травинки, но я не вѣрю, что жизнь сѣрая, что нужно только смиряться и покоряться. Люблю маменьку, чувствую, что люблю, а этимъ ея словамъ не вѣрю. Есть въ жизни что — то другое, самое главное, самое важное. Что это другое, я пока не знаю. Сообразить не могу. Солнце мѣшаетъ. Оно такое яркое, и такимъ вижу я его первый разъ. И степь мѣшаетъ думать. Она вся, точно

въ брилліантахъ отъ росы и вся звенить и дрожить. Это проснулись въ высокой травѣ всѣ букашки, козявки, полевые мыши, птицы проснулись. И все это копошится, ползаетъ, прыгаетъ, жужжитъ, свиститъ и поетъ.

Все радуется. И во мнѣ радость такая, точно за спиной крылья выросли. И мнѣ хочется затеряться въ травѣ, хочется прыгать, пѣть, хочется вмѣстѣ съ букашками качать тонкія, далеко протянувшіяся отъ восходящаго солнца, тѣни.

— Оля!—позвала меня изъ комнаты маменька.

И опять на сердцѣ у меня сдѣлалось вдругъ горячо, горячо отъ нѣжности и любовной жалости.

— Иду!—крикнула я и сама не узнала своего голоса: такъ звонко и радостно зазвучалъ онъ въ это первое утро моей молодости.

Н. Манаскина.

